

всем областям БССР по сравнению с 1961 г. Так, в 1964 г. в БССР было крещено 32 % всех новорожденных. По Брестской области количество крещеных составило 55,6 % от общего числа родившихся [9].

В заключение необходимо отметить, что преследования, которым подверглась Церковь в описываемый период, были направлены на ее полное уничтожение. За эти годы были превращены в руины многие белорусские храмы, уничтожено большое количество церковной утвари, погибло много икон. Белорусская епархия за период 1953–1964 гг. потеряла 556 храмов, (их количество уменьшилось на 57%). До сих пор многие храмы, разрушенные во это время не восстановлены, а многие являвшиеся памятниками истории и культуры белорусского народа утрачены навсегда. Трудно переоценить влияние Церкви на морально-нравственное сознание и духовность общества и последствия подрыва ее духовного авторитета. Кампания, направленная против Православной Церкви, самым непосредственным образом сказалась на ограничении свободы совести в СССР. В стране происходила подмена христианских общечеловеческих ценностей классовыми. Духовное образование и религиозное воспитание детей было окончательно запрещено в середине 1960-х гг. Уничтожение монастырей и духовной семинарии привело людей к полному религиозному невежеству. Антирелигиозные действия способствовали появлению категории лишенцев, в том числе среди священнослужителей, преследованию их близких и родственников. Нарастание противостояния между верующими и неверующими вело к росту социальной и национально-религиозной напряженности в обществе. Хрущевская антирелигиозная кампания принесла много вреда, прежде всего самой власти, раскалывая общество, противопоставляя верующих и советскую систему. Только отстранение «команды» Н. Хрущева и его самого от управления государством в конце 1964 г. положил конец практике открытого преследования религиозных организаций в СССР.

Список цитируемых источников

1. Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения. Постановление ЦК КПСС (10 ноября 1954) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т. 8. – М., 1985. – С. 448.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 951. – Оп. 3. – Д. 10. – Л. 90
3. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 3. – Д. 10. – Л. 78.
4. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 4. – Д. 1. – Л. 18.
5. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 4. – Д. 9. – Л. 13.
6. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 3. – Д. 35. – Л. 75.
7. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 42. – Л. 21.
8. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 42. – Л. 31.
9. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 3. – Д. 67. – Л. 2
10. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 3. – Д. 72. – Л. 6–7.

Н. А. Пашкевич

Минская духовная академия имени Святителя Кирилла Туровского, Минск

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921 – 1939 годы)

Введение. Еще в XVI веке первые русские области были захвачены Польшей. Уже с первых лет присоединения искони русских земель к тогдашней Польше наблюдается стремление польского правительства к распространению в этой части Руси Римо-католичества и подавлению Православия. Но все попытки, так или иначе, не имели успеха и являлись ошибками для Польши. Более того, следует заметить, что Вторая Речь Посполитая (1921 – 1939 гг.) восстановленная по Версальскому договору, начала полностью повторять свои прежние ошибки в отношении белорусского православного населения оказавшегося на ее территории и делала все, чтобы оттолкнуть от себя это население. В продолжение своего кратковременного, 20-ти летнего, существования возрожденная католическая Польша вела упорную борьбу с другим христианским исповеданием – Православием, при этом, не гнушаясь в этой борьбе никакими средствами [1, с. 91]. Весьма примечательную оценку политике Польши в отношении белорусов уже в 1921 г. дало правительство БНР, которое в своем мемориале Патриарху Московскому и всея Руси Тихону от 27 января 1921 г. констатировало, что «на деле польская толерантность есть ни что иное, как самая дикая нетерпимость национальная и религиозная... Всем белорусам в польской дельнице грозит национальная смерть...». Более того яркой иллюстрацией отношения польской политической элиты к белорусам может служить высказывание известного польского политика и крупного землевладельца А. Мейштовича, который в январе 1922 г. в беседе с представителями Рабочего союза в Вильно подчеркнул, что «Белоруссия самой историей предназначена быть мостом для польской экспансии на Восток. Белорусская этнографическая масса должна быть передана в польский народ. Это приговор истории и мы должны этому способствовать» [2].

Основная часть. Независимая Польша, в результате военных действий на востоке включила в свой состав обширные западно-белорусские земли, что было закреплено Рижским мирным договором, подписанным 18 марта 1921 г. Часть православных верующих была отрезана, изолирована от полноты общения с Русской Православной Церковью. На территории этих земель православное население распределилось по трем епархиям. Виленскую возглавлял архиепископ Елевферий (Богоявленский), Гродненскую – Владимир (Тихоницкий), Пинскую и Полесскую – Пантелеимой (Рожновский). Так же

необходимо отметить, что в Яблочинском монастыре проживал епископ Сергей (Королев), который не получил от польского правительства разрешения на занятие какой-либо кафедры [3, с. 72].

Польское государство, ведя национально-польскую политику, стремилось завладеть Православной Церковью и придать Ей желательную Риму и Польше суть и роль. Польское государство приступило к отрыву от Москвы существующих на его территории трех православных епархий, т.е. созданию местной автокефальной церкви. Ознакомившись с характером и настроениями упомянутых епископов, польское правительство не нашло возможным провести автокефалию при их помощи [4, с. 35–36]. В 1922 году Московская Патриархия временно назначает на Варшавскую кафедру, предложенного польской стороной архиепископа Минского и Туровского Георгия (Ярошевича), который и оказался тем человеком, который возьмет курс на провозглашение автокефалии местной Православной Церкви [5, с. 392]. Прибыв в Варшаву архиепископ Георгий принялся за организацию Синода, как высшего церковного управления.

Юридическое положение Православной Церкви в Польше не была нормировано государственным законом. Поэтому для урегулирования взаимоотношений Церкви и государства, министр просвещения и вероисповеданий, в 1922 году, предложил Синоду так называемые «Временные правила». Эти правила не служили для пользы Православия, а давали большие возможности польским властям вмешиваться в церковные дела православных [6, с. 314]. Они, «по своему духу и смыслу не давали никаких гарантий Церкви в Ее преуспевании и внутренней неприкосновенности... Главный смысл их состоит в недопущении соборного начала» [7, с. 36]. Не удивительно, что эти правила подписали только два архиерея: митрополит Георгий (Ярошевич) и епископ Дионисий (Валединский). Более того эти правила не были приняты как духовенством, так мирянами.

На противников этих правил были воздвигнуты гонения со стороны польских властей. Архиепископ Елевферий (Богоявленский) был заточен в католическом монастыре в Кракове, а впоследствии был выслан в Каунас, где возглавил православных верующих в Литовском государстве. Епископа Сергея (Королева) арестовали и так же выслали в Чехию [8, с. 73]. Епископа Владимира (Тихоницкого) заточили в Дерманский католический монастырь, а затем он был выслан в Чехию. Владыку Пантелеимона (Рожновского) заточили в Мелецкий монастырь на Волыни, а позже перевели в Жировицы [9, с. 120–121]. Более того Вячеслав Васильевич Богданович, который находился в оппозиции к тогдашней высшей церковной власти, был снят с должности ректора Виленской духовной семинарии [10, с. 57].

Конфликт между сторонниками автокефалии и ее противниками привел к трагическим последствиям. В 1923 году митрополит Георгий (Ярошевич) был застрелен в собственном кабинете из револьвера архимандритом Смарагдом (Латышенковым). После него митрополитом Варшавскую кафедру занял Дионисий (Валединский), который старался следовать указаниям польских властей [11, с. 43]. Им же производится назначение на пустующие кафедры. Так на Виленскую был назначен бывший Смоленский епископ Феодосий (Феодосьев), бежавший из Советской России. Пинскую епархию начал окормлять епископ Александр (Иноземцев), в бывшем являлся приближенным покойного митрополита Георгия. На Гродненскую кафедру возвели епископа Алексея (Громадского) [12, с. 75].

Первым что предпринял новый епископат, это попытка перевода богослужения на Григорианский стиль. Необходимо заметить, что на проведение этой реформы настаивало польское правительство. Против этих нововведений выступило большинство православного населения Польши [13, с. 75]. Население начало «голосовать ногами», т.е. перестало посещать храмы, когда богослужение совершалось по новому стилю.

В нарушение всех канонических церковных норм в ноябре 1924 года Вселенский патриарх Григорий VII подписал и утвердил, так называемый «Патриарший и синодально-канонический томос вселенской Константинопольской Патриархии о признании Православной Церкви в Польше автокефальной» [14, с. 76]. Следует отметить, что провозглашение автокефалии произошло без согласия на то матери-Церкви, т.е. РПЦ. Более того произошло незаконного вмешательства Константинопольского Патриархата в дела другой Поместной Церкви, на что Константинополь не имел никаких полномочий. Следует обратить внимание на то, что автокефалия Православной Церкви польскому правительству обошлась в три миллиона польских злотых [15, с. 8]. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что Синод Православной Церкви в Польше обнародовал томос Константинопольского Патриарха о даровании автокефалии 15 апреля 1925 года, только после кончины Патриарха Тихона [16, с. 76].

После отрыва православного населения Польши от полноты Церковного общения и постепенного ослабления позиций Православия, римо-католиками была осуществлена попытка возрождения унии в виде восточного обряда. В конце 1923 года Рим издал особую инструкцию по ведению унийной работы в Польше. С изданием этой инструкции в Польше появляются иезуиты, которые открывают в Гродненской епархии свой монастырь в Альбертине. В ограде этого монастыря открывается приход восточного обряда. Там были построены две церкви восточного и западного образца и службы велись в них попеременно. Со временем в Польше начинают появляться и другие монашеские ордена в восточном облике: редемптористы, капуцины и др. Папой римским был назначен даже епископ восточного обряда Николай Чернецкий. Более того Римокатолической Церковью начала принимать православных ренегатов священников. Таким образом, в неюнию приходили просто авантюристы [17, с. 193–195]. «По сведениям на 1932 год на территории Варшавской митрополии (включавшей пять епархий) действовал 31 униатский приход при 5668 человек уклонившихся в унию» [18, с. 78]. Таким образом, можем сделать вывод о том, что попытка распространить униатство в

Западной Белоруссии закончилась неудачно. Подтверждением чему является издание декрета, в декабре 1934 года, папой Пием XI о прекращении эксперимента с восточным обрядом в Польше.

В целях распространения новоуниатской пропаганды и ослабления Православной Церкви, католическая курия начала наступление, в виде ревиндикации православных святынь и церковного православного имущества, которое, якобы, ранее принадлежало Католической Церкви. Летом 1929 года католическая иерархия Польши предъявила в окружные суды 724 иска с требованием изъять у православных и передать католикам сотни храмов [19, с. 136]. Иски были заявлены с ведома католической иерархии в судах следующих городов: Брест, Вильно, Гродно, Пинск, Новогрудок и др. «Характерна, што жадалася адабраць ад праваслаўных цэрквы ў 65 мейсцах, у якіх ня было ані аднаго каталіка, - у 73 мейсцах, у якіх было ня больш за 3 каталікоў, - у 76 мейсцах, у якіх было ня больш 20 каталікоў» [20, с. 62]. Обращая внимание на время постройки церквей, которые хотя и ревиндицировать, бросается в глаза тот факт, что десятки церквей были построены уже после того, как население приняло Православие. Это говорит о том, что они никогда не были ни униатскими, ни католическими. Свыше десятка церквей были построены еще до введения унии, а остальные за сто лет капитально ремонтировались и перестраивались за счет православных. И только лишь 6 принадлежало когда-то католикам [21, с. 81]. Таким образом, делаем вывод, что ревиндикация не имеет ни исторических, ни юридических, ни нравственных оснований. «В итоге долгих перипетий, связанных с рассмотрением исков, предъявленных Римо-католическим Костелом Православной Церкви, Верховный Суд Польши в январе 1934 года отказал в их удовлетворении. Это судебное решение было воспринято православным населением Западной Белоруссии с огромной радостью и большим удовлетворением» [22, с. 81–82].

Главной целью польское правительство ставило сделать Православную Церковь одним из орудий осуществления польских националистических устремлений. Так под давлением властей происходит устранение из богослужения церковно-славянского языка и дальнейшим шагом становится полонизация богослужения и церковного управления. Власти потребовали от духовенства произносить проповеди, преподавать Закон Божий и вести церковное делопроизводство на польском языке. Но для всего этого требовались свои кадры, священнослужители, люди преданные польскому делу, и поэтому постепенно проводится полонизация духовного образования. Происходит реформирование духовных школ Православной Церкви. Так духовные семинарии в Вильно и Кременце были обращены в гимназии с правами польских средних учебных заведений. Часовая нагрузка в богословских классах была сокращена до половины. Как и на православном богословском факультете при Варшавском университете, преподавание велось сугубо на польском языке. Такие действия приводили к замиранию богословия и низкому уровню образования будущих православных пастырей [23, с. 202–203]. Ко всем противникам этих нововведений применялись жесткие прещения. Уже в 30-е годы выпускники богословского отделения Варшавского университета, Виленской и Кременецкой семинарий включились активно в полонизаторские процессы на занимаемых ими приходах. К большому сожалению, полонизаторская политика белорусского православного населения, проводимая польской властью, не встретила должного сопротивления со стороны местного священноначалия [24, с. 83–84].

Все это привело к тому, что «декрет президента Польской республики от 18 ноября 1938 г. и введенный Советом министров Внутренний статут Польской Автокефальной Православной Церкви не только открыли простор для полонизации, но и окончательно закрепили жесткий и всесторонний контроль государства за Церковью... Без санкции гражданской власти не могло состояться ни одно назначение – от псаломщика до епископа, ни одного перемещение даже самого скромного сельского священника из захолустного прихода. Официальным языком церковных властей и учреждений был объявлен польский... Лица, не имевшие польского гражданства, не могли занимать ни каких церковных должностей, рукоположению в священный сан подлежали только выпускники Варшавского университета... На местах воеводские власти также получили возможность регулировать кадровую ситуацию в приходах: под предлогом разоблачения «вредной» для государства деятельности они имели право требовать от главы епархии снятия неугодного священника с должности. Все эти жесткие ограничения самостоятельности Церкви и прямое вмешательство во внутреннюю жизнь митрополит Дионисий охарактеризовал как «благожелательную опеку пресветлой Польской республики» [25, с. 286–287].

«Параллельно с полонизацией Православной Церкви власти Второй Речи Посполитой всячески стремились привлечь как можно большее число белорусов в костёлы, оторвать их от посещения православных храмов. В этой связи в Польше действовали порядки грубо дискриминировавшие православных верующих в их стремлении решать самые насущные, простые жизненные вопросы обыденного характера. Так, если православный хотел приобрести земельную собственность, ему это не разрешалось. Власти без стыда посылали такого человека в костёл и требовали представить от ксендза справку о принятии католичества. Если справки не было – чинили большие препятствия, вплоть до отказа в покупке... Православному было трудно устроиться на работу. Даже чернорабочим в первую очередь принимали поляков... Если православный прибегал по какому-либо делу к помощи суда, ему трудно было найти там справедливость. Требовалась та же справка от ксендза. Эта справка приносила избавление от многих неприятностей, была как бы индульгенцией от грехов. Представление ее в полицию иногда

закрывало громкое дело. Вовсю применялся шантаж, угрозы, соблазны, – в общем, все темные меры и приемы, лишь бы принудить человека к принятию католичества» [26, с. 89–90].

Заключение. Политика Польского государства в 20 – 30 гг. XX столетия в отношении Православной Церкви в Западной Белоруссии носила дискриминационный характер. Православное население в Польше вынуждено было вести борьбу за свое религиозное и национально-культурное существование. Ненормальность существования православного народа в Польше вытекает из свойств внутренней политики польских властей, тесно связанных с религиозной политикой Католической Церкви. Вследствие чего, есть необходимость признать положение православных в Польше в эти годы весьма сложным и не стабильным. Приводимые выше факты убеждают в действительности того, что православному населению Западной Белоруссии в Польше приходилось вести борьбу за целостность своего народа и своих религиозных убеждений весь этот период.

Список цитируемых источников

1. Свитич А.К. Православная Церковь в Польше и ее автокефалия // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917–1950 гг. – Москва, 1997. – С. 91.
2. Шевченко К. Русский Мир в борьбе за выживание: Западно-белорусские земли в составе Польши в 1919-1939 гг. [Электронный ресурс]. URL: <http://zapadrus.su/zaprus/istbl/1498-russkij-mir-v-borbe-za-vyzhivanie-zapadno-belorusskie-zemli-v-sostave-polshi-v-1919-1939-gg.html> (Дата доступа: 03.11.2016)
3. Кривонос Ф., священник. Белорусская Православная Церковь в XX столетии. – Минск, 2008. – С.72.
4. Попов А. Гонение на Православие и русских в Польше в XX веке. – Белград: Типография "Меркур", 1937. – С. 35-36.
5. Новинский, В., священник. Очерк истории Православия в Литве. — Вильнюс: Православное братство Литвы, 2005. – С. 392.
6. Мартос, Афанасий, архиепископ. Беларусь в исторической, государственной и церковной жизни. – Минск: Издательство Белорусского Экзархата, 2000. – С. 314.
7. Попов А. Гонение на Православие и русских в Польше в XX веке. С. 36.
8. Кривонос Ф., священник. Белорусская Православная Церковь в XX столетии. С. 73
9. Свитич А.К. Православная Церковь в Польше и ее автокефалия. С. 120 –121.
10. Баслык, Е. К. Многи скорби праведным. Под Польшей, Германией и Советским Союзом / священник Евстафий. – Минск, 2014. – С. 57.
11. Попов А. Гонение на Православие и русских в Польше в XX веке. С. 43
12. Кривонос Ф., священник. Белорусская Православная Церковь в XX столетии. С. 75.
13. Там же. С. 75.
14. Там же. С. 76.
15. Раевский С. Украинская Автокефальная Церковь. – Джорданвилль, 1948. – С. 8.
16. Кривонос Ф., священник. Белорусская Православная Церковь в XX столетии. С. 76.
17. Свитич А.К. Православная Церковь в Польше и ее автокефалия. С. 193 – 195.
18. Кривонос Ф., священник. Белорусская Православная Церковь в XX столетии. С. 78.
19. Николаев К. Н. Экспансия Рима в Россию. Восточный обряд. (Рим – Польша – Россия). – Москва, 2005. – С. 136.
20. Касяк І. З гісторыі ПРАВАСЛАўнай Царквы беларускага народу. – Нью-Йорк, 1956. – С. 62.
21. Кривонос Ф., священник. Белорусская Православная Церковь в XX столетии. С. 81.
22. Там же. С. 81 – 82.
23. Свитич А.К. Православная Церковь в Польше и ее автокефалия. С. 202 – 203.
24. Кривонос Ф., священник. Белорусская Православная Церковь в XX столетии. С. 83 – 84.
25. Волокитина Татьяна, Мурашко Галина, Носкова Альбина. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40 – 50-х годов XX века. – Москва, 2008. – С. 286–287.
26. Кривонос Ф., священник. Белорусская Православная Церковь в XX столетии. С. 89 – 90.

А. Н. Рыхлик

Учреждение образования «Белорусский государственный аграрный технический университет», Минск

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО

Практически во все времена на территории Беларуси отношения государства и Православной Церкви имели очень близкий характер. Официально деятельность Церкви была запрещена, а её последователи подвергались гонениям только во время нахождения Беларуси в составе СССР. Советское атеистическое правительство крайне негативно относилось к религии, считая её своим главным конкурентом в идеологическом плане. Во времена, когда все сферы жизни людей были подчинены государству, церковь казалась коммунистическому правительству крайне опасным и несговорчивым оппонентом. Поэтому было решено просто её ликвидировать, что в итоге сделать не удалось. Находясь вне государства и закона, церковь не могла развиваться и расти. В условиях, когда священнослужители подвергались уголовному преследованию, а верующие общественному осуждению, духовная и нравственная жизнь общества пришла в упадок. Это негативно отразилось на всём народе и государстве в целом. Этот печальный пример ясно даёт понять, что для мирного и гармоничного существования страны, диалог и взаимодействие власти и Церкви просто необходимо. Государство, как структура, контролирующая общественную жизнь населения, просто обязана должным образом регулировать такую массовую и мощную религиозную организацию, учитывая её специфику. Принцип разделения церкви и государства верен и не должен подвергаться сомнению, но в то же время несмотря на различные цели этих структур, сферы их деятельности пересекаются в общей плоскости. И церковь, и государство заинтересованы в формировании у человека определённых моральных качеств, норм поведения, ценностей и мировоззрения. Христианин, как гражданин, представляется идеальным